нія Нехлюдова, что все великолѣпно, что съ тѣхъ поръ какъ открылась князю „истина“, радость и счастье жизни въ немъ *все растетъ*, Толстому стало тошно жить въ своей яснополянской нехлюдовщинѣ, и онъ ночью тайкомъ бѣжалъ. Необычайно характерно, *куда онъ* бѣжалъ. Нехлюдовъ въ своихъ произведеніяхъ съ такой ясностью доказалъ, что Церковь—обманщица и совратительница, что, казалось бы, Толстому нужно было въ своемъ уходѣ изъ дома за тридцать верстъ обходить каждую церковь. И вмѣсто этого Толстой ѣдетъ въ Оптину пустынь, въ одну изъ твердынь церковной, т. е. самой ужасной лжи, къ старцамъ, къ этимъ наиболѣе сильнымъ, по Нехлюдову, соблазнителямъ и обманщикамъ. Чувствуя свою слабость въ личномъ сознаніи Толстого, чувствуя, что Толстой вотъ-вотъ готовъ уйти изъ его рукъ, Нехлюдовъ обертывается Чертковымъ...

Еще бы! Нехлюдовъ хитеръ и упоренъ. Вся его долгая работа въ одно мгновеніе могла бы растаять какъ воскъ отъ какого-то пламени, которое вотъ-вотъ готово было вспыхнуть надъ умирающимъ. „Примиритесь съ Церковью и *православнымъ русскимъ народомъ*“,—по телеграфу умолялъ митрополитъ Антоній. Но Нехлюдовымъ не нужно было никакого примиренія. Послѣдній актъ трагедіи совершился, и Нехлюдовъ, торжествуя, принялъ участіе въ ужасномъ семейномъ раздорѣ, пользуясь той нотаріально-скрѣпленной бумажкой, самое составленіе которой такъ противно всей природѣ Толстого.

„Совѣсть Россіи ушла“,—написалъ Мережковскій въ газетѣ. „Я отвергаю слухи, что отъѣздъ этотъ—реклама“,—сказалъ Шпильгагенъ. „Я *самъ* готовъ на то же самое“,—отозвался Стриндбергъ, и поднялась та газетно-журнальная шумиха, которой заглушилась вся скорбная правда кончины Толстого.

Да, смерть Толстого закончила нѣмую трагедію его жизни. И есть въ этой смерти что-то грустное, тоскливо-печальное, одинокое.

Здѣсь тайна есть... Мнѣ слышатся призывы
И скорбный стонъ съ дрожащею мольбой,
Непримиренное вздыхаетъ сиротливо
И одинокое горюетъ надъ собой.